

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

УДК 94

**По Высочайшему повелению
(материалы следственного дела о краже мин в форте Навагинском
Черноморской береговой линии. 1851 г.)**

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Александр Александрович Рябцев

³ Вячеслав Иванович Меньковский

⁴ Василий Валерьевич Тараканов

⁵ Александр Валентинович Навроцкий

¹⁻² Сочинский государственный университет, Россия

¹ Доктор наук, профессор

² Кандидат наук, доцент

³ Белорусский государственный университет, Беларусь

Доктор наук, профессор

⁴ Волгоградский государственный университет, Россия

Доктор наук, профессор

⁵ Волгоградский государственный технический университет, Россия

Доктор наук, профессор

Аннотация. В статье на основе архивных источников рассматривается одно из самых громких следственных дел, находящихся на контроле российского императора Николая I в период Кавказской войны. Речь идет о раскрытии государственной военной тайны – нового вида оборонительных вооружений, а именно мин на гальванических элементах. Раскрытие государственной тайны произошло в форте Навагинском Черноморской береговой линии летом 1851 года. Восстановлена картина происходящего, уделено внимание повседневной жизни в форте, сложностям гарнизонной жизни. Показаны причины асоциального поведения некоторых военнослужащих. Охарактеризованы взаимоотношения русской администрации с горными племенами, в частности с убыхами.

Ключевые слова: форт Навагинский; минная война; Черноморская береговая линия; Николай I; майор Мейер; следственное дело.

Введение. В любой войне, в том числе и в партизанской, важное значение имеет технический перевес. Если характеризовать Кавказскую войну на территории Черноморской береговой линии, то 80–90 % временного цикла этой войны занимала скрытая фаза – ни войны, ни мира. Вокруг крепостей некоторыми категориями горцев [1] велась диверсионная война – обстрелы. Отсутствие стабильности вокруг крепостей, потери заставляли русское командование принимать меры к поиску путей прекращения горской активности вокруг крепостей. И вот решение было найдено: создание минных полей, приводимых в действие при помощи электричества (гальванизма).

Материалы и методы. В статье использованы архивные материалы Государственного архива Краснодарского края, а именно 2-томное следственное дело: допросы членов гарнизона, горцев, лояльно относящихся к русским, и даже так называемых немирных горцев. Следственное дело составило два тома: первый – 657 страниц, второй – 516.

В работе рассматривается повседневная гарнизонная жизнь, уделяется внимание причинам асоциального поведения некоторых представителей рядового состава, характеризуются взаимоотношения русской администрации с горными племенами. Многогранность темы исследования потребовала применения проблемно-хронологического метода исследования, что, в свою очередь, предполагает рассмотрение предмета исследования через разную призму, выделение нескольких важнейших аспектов темы и хронологического рассмотрения каждого из них.

Обсуждение. Тема исследования в разных своих аспектах находила отражение в ряде предшествующих научных публикаций А.А. Черкасова, В.Б. Каратаева [2], В.И. Меньковского [3], И.Ю. Черкасовой [4] и др.

Результаты. В апреле 1847 г. в штабе Черноморской береговой линии начал обсуждаться вопрос об установке мин вокруг русских укреплений. Для обучения минному делу в Керчь были командированы чины лейб-гвардии саперного батальона Черноморской береговой линии, куда они были направлены в обстановке повышенной секретности [5]. Закладка мин производилась только в двух укреплениях ЧБЛ (Форты Навагинский и Головинский) и в Чечне.

С 1848 г. начинается закладка мин и фугасов вокруг форта Навагинского [6]. Так, 25 и 26 мая были установлены в две линии 13 мин на расстоянии друг от друга в 5–6 сажень. Кроме того, 2 фугаса по 1,5 пуда пороха были установлены на горе Батарейка, управление которыми осуществлялось по проводам из укрепления. Подступы к юго-восточному бастиону были обеспечены 3 камнеметными [7] проводными фугасами. 25 мая 1848 г. их впервые и опробовали. Произошло это следующим образом: во время отступления отряда, установившего мины, на горе Батарейке показались горцы как раз на месте фугасов. Первый фугас был приведен в действие и разметал горцев. Ничего не понявшие горцы вечером опять появились на горе – в действие был приведен второй фугас. В июле того же года после сильных дождей с разрешения командующего Черноморской береговой линией в целях проверки был приведен в действие третий фугас [8]. Необходимо отметить, что после приведения в действие фугаса на его месте спешно, при первой возможности, устанавливался новый фугас. Таким образом, линия обеспечения перед фортом не страдала и находилась в постоянной боевой готовности.

В ночь с 9 на 10 апреля 1849 г. в форте произошел сильнейший пожар, в ходе которого сгорели солдатские казармы [9]. Горцы видели зарево пожара в форте Навагинском, однако наличие фугасов заставило горцев не предпринимать нападения в целях окончательного разгрома форта [10].

Закладка мин осуществлялась и в июне 1850 г., занимался их установкой поручик Кавказского саперного батальона Кузнецов. В это время было заложено 28 мин на подступах к форту, а также 3 мины на горе Батарейка [11].

Фугасы были по 1,5 пуда пороха, а мины – по 20 фунтов [12].

Во время минирования, которое осуществлялось 20 июня, произошли перестрелки с горцами. В ходе этих столкновений гарнизон потерял убитыми 6 человек (2 унтер-офицера и 4 рядовых), а также 1 рядовой был ранен [13]. В 1850 г. время от времени, при обнаружении горцев, мины приводились в действие. Так, были приведены в действие три камнеметных фугаса: 20 июня на горе Батарейка, 19 августа перед северо-восточным бастионом и 15 сентября на левом фланге юго-восточных мин [14].

Минные заграждения ощутимо действовали на горцев в течение длительного периода – с 1848 г. по весну 1851 г. За это время, по свидетельству иеромонаха Ксенофонта, вокруг крепости прекратились даже «мелкие шалости и воровство горцев» [15].

В феврале 1851 г. русской администрацией было обнаружено, что мины не действуют. Часть мин артиллеристами была вырыта, и в ходе проверки выяснилось, что причиной послужила негодность гальванических проводников. Ситуация осложнилась еще более, когда из гарнизона произошла утечка информации и горцы стали выкапывать мины.

1 апреля 1851 г. обнаруживается, что несколько приборов было снято с минного поля и одна мина вырыта горцами, и в этом подозреваются беглые русские солдаты [16]. 8 апреля еще одна мина была унесена неприятелем.

Командир форта Навагинский майор Павлов отрапортовал о случившемся в штаб Кавказского корпуса, а оттуда информация была представлена военному министру Российской

империи. 20 мая 1851 г. военный министр сообщил главнокомандующему Кавказским корпусом, что Государь император, прочитав журнал, представленный генерал-адъютантом Бердбергом (главнокомандующий Кавказского корпуса) 24 апреля 1851 г. за № 61, в котором сообщалось, что 1 апреля убыхи, пользуясь густым туманом, обрезали главные проводники гальванических мин на капитали одного их бастионов Навагинского форта, вырыли и унесли полупудовую мину, три соединительных прибора и 150 сажень гальванических проводников [17], инициировал следственное дело, получившее название «Следственное дело по высочайшему повелению о том, кто были преступные участники в похищении убыхами из пределов форта Навагинского мин, воспламеняемых посредством гальванизма».

Главнокомандующий Кавказским корпусом генерал-адъютант Бердберг поручил расследование подполковнику Лейб-гвардии Драгунского полка и кавалеру Мейеру, состоящему по особым поручениям при главнокомандующем Кавказским корпусом [18].

Однако по поводу мин необходимо было принимать скорейшее решение, и этот приказ последовал. Подписал его новый командующий Черноморской береговой линией генерал-адъютант Будберг, который предписал все мины вокруг форта Навагинский снять [19]. Мины были сняты 15 мая 1851 г. Из 27 мин, заложенных в 1850 г., 22 были в деревянных ящиках и 5 – в медных, так называемые образцовые мины, которые производились в Санкт-Петербурге. Осмотр снятых мин и фугасов показал, что порох промок только в трех деревянных и в одной образцовой мине [20].

Уже 7 июля 1851 г. Мейер прибывает в форт Навагинский и начинает следственные мероприятия. Перед Мейером стоял обширный фронт работ: предстояло допросить личный состав 2-й и 3-й рот 8-го Черноморского Линейного батальона, а также личный состав 2-й батареи полуроты 13-й артиллерийской бригады тифлисского гарнизона (командир – поручик Василий Лукьянов. Полурота насчитывала 36 человек, включая командира и 3 фейерверкеров [21]). Всего более 500 человек. Но вначале необходимо было полностью восстановить картину происходящего.

В результате Мейер в тот же день (7 июля) потребовал у командира Навагинского форта майора Кириллова следующую информацию:

- 1) список всех строевых и нестроевых воинских чинов, находящихся в форте;
- 2) кто именно из воинских чинов участвовал при заложении мин в последний раз (июнь 1850 г.), в отряде при заложении 2 мин и 1 камнеметного фугаса поручиком Кузнецовым на возвышенности против исходящего угла второго бастиона;
- 3) когда именно случались попытки унесения мин горцами. В чем именно эти попытки состояли и были ли приняты меры для усиления надзора за этими минами;
- 4) кто именно из нижних чинов находился на часах вблизи мин;
- 5) кто именно из офицеров был на дежурстве и в карауле;
- 6) не было ли бежавших из форта нижних чинов с июня 1850 г.;
- 7) есть ли предположение о том, что мины были похищены по указанию кого-то из гарнизона;
- 8) известна ли нравственность гальванертной команды и просьба предоставить ее список [22].

На следующий день (8 июля) майор Кириллов дал Мейеру развернутый ответ по всем пунктам.

Несколько слов необходимо сказать и о системе управления. Несмотря на то, что и в Навагинском укреплении и в форте Святого Духа были свои командиры, эти русские форпосты обеспечивались 8-м Черноморским линейным батальоном. Как известно, 2-я и 3-я роты этого батальона были в Навагинском укреплении, а все остальные части находились в форте Святого Духа. По требованию майора Павлова (командир форта Св. Духа и 8-го Черноморского Линейного батальона) горцы начали возвращать бежавших к ним солдат. В обращении от 7 июля Мейер потребовал, чтобы солдата, выданного горцами в укреплении Св. Духа, доставили к нему для допроса [23].

Майор Павлов 7 июля 1851 сообщил Мейеру, что выведенные из гор рядовые (Горим) (Так в источнике – *Аторы*). Сиденко и Корней Брюханов, бежавшие из Навагинского форта, были возвращены в форт [24].

В связи с проведением следственных мероприятий майор Кириллов был отстранен от должности командира укрепления и на его должность был назначен майор Винников. Сегодня сложно сказать, когда именно был отстранен от должности Кириллов, но 5 августа уже был Винников [25].

Из представленных майором Кирилловым документов было выяснено, что в период с лета 1850 г. и по лето 1851 г. из гарнизона форта Навагинский бежали следующие солдаты: из 2-й роты Черноморского линейного батальона 4 человека (Карней Брюханов – 17 августа 1850 г., Семен Степанов – 15 февраля 1851 г., Пантелей Лапченко – 24 марта 1851 г., Александр Круглов – 26 июня 1851 г.) [26]. Из 3-й роты бежало 5 человек (Иван Деревянко – 3 февраля 1851 г., Петр Тоцкий – 12 февраля 1851 г., ... Сиденко – 2 апреля 1851 г., Сазон Вириндак – 8 апреля 1851 г., Андрей Руденко – 3 мая 1851 г. [27].

Пристав джигетского народа майор Павлов из форта Св. духа по показаниям убыха Урус Вэацыс уличил Ефима Сиденку из 8-го батальона [28]. 19 июля Мейер сообщил Павлову, что надобность в Ефиме Сиденке и Корнее Брюханове миновала и они возвращаются [29].

На основании допросов подозрение в причастности падает на беглого солдата Ивана Деревянко, и Мейер обращается в Павлову, чтобы Деревянко вывели с гор [30].

По ходу следствия Мейер сталкивался с новыми трудностями, одной из которых стала слабая дисциплина части личного состава. Так, 19 июля 1851 г. Мейер предупредил командира форта Винникова о том, что на следующее утро будут производиться допросы нижних чинов. Мейер встал в 4-м часу утра. Провел 1 час в одиночестве и в 5 подтвердил просьбу подпоручику Германовскому, в 7 утра пришел первый допрашиваемый, еще через 35 минут следующие... [31].

Затребовал подполковник Мейер и штрафные журналы частей Навагинского укрепления. Так, в штрафном журнале 2-й роты 8-го Черноморского линейного батальона укрепления Навагинский имеются следующие данные о преступлениях и наказаниях: в 1850 г. за пьянство и буйство в первый раз наказывали 50 ударами розог при полном сборе роты, за повторное пьянство – 50 розог, за воровство – 50 розог, за дурную нравственность – 50 розог, за пьянство и грубость – 40 розог [32]. С 5 июля 1851 г. за пьянство стали наказывать 2-мя днями лишних караулов, розгами, а также употреблением в полной походной амуниции на 4 часа. Все постановления о наказании во 2-й роте выносились командиром роты [33].

Иной ситуация была в 3-й роте того же батальона. Так, в 3-й роте за год наказали только одного солдата, который, возвращаясь из Керчи, нелегально привез в крепость под видом жены беглую девку, – 100 розог. Наказание было санкционировано не командиром роты, а командиром форта [34]. Это обстоятельство не в лучшем свете характеризует ротного командира.

Гораздо чаще наказывали нижних чинов 2-й батареи полуроты 13-й артиллерийской бригады тифлисского гарнизона (разумеется, по сравнению с пехотными нижними чинами), артиллеристов было всего 36 человек, включая командира. Так, в штрафном журнале за второе полугодие 1850-го года имеется 12 записей о преступлениях и наказаниях, а в первом полугодии 1851 г. их количество сократилось до 4 раз. Основными преступлениями были пьянство, которое наказывалось от 25 ударов розгами, драка с унтер-офицерами, самовольная отлучка, побои, самоуправное поведение, грубость и т.д. [35].

Посетив укрепление, следовательно, подполковник Мейер, был поражен внутренней атмосферой в форте, он сетовал, что многие нижние чины, находящиеся в форте, не имеют даже наружного уважения к святости церковнослужения и обрядов религии.

Так, вечером 11 августа 1851 г. он пошел в церковь, но услышал бранную стычку среди солдат под песнопения и голос священнослужителя. Мейер был вынужден сделать замечание и поставил это на вид унтер-офицеру, находящемуся в башне и наблюдающему за порядком. Стычка между солдатами происходила и рядом с гауптвахтой, караул которой чуть не дрался, они произносили бранные выражения, несмотря на прогулку тут же, мимо гауптвахты, многих офицеров с дамами (супругами офицеров форта). Подполковнику Мейеру объяснили, что подобные дерзости, даже при дамах, в форте не возбранялись [36].

Мейер сразу обратил внимание на неисполнительность майора Кириллова и обратился к майору Винникову (командир 8-го Черноморского линейного батальона) с просьбой охарактеризовать Кириллова. Винников дал положительный отзыв, указав, что имеющаяся нерасторопность – следствие легочной чахотки майора и других болезней. Об офицерах ничего плохого тоже сказать, по мнению Винникова, было нельзя [37].

Просьба была инициирована весьма странным поведением Кириллова, который, в частности, на запрос от 7 июля о предоставлении сведений о том, кто дежурил в ночь кражи мин, Мейер получил ответ, что это был поручик Милович. Проблема заключалась в том, что поручик Милович уехал из крепости еще в начале 1850-го года [38] и в связи с этим быть в крепости не мог. Были и другие подобные факты. Так, Императору было доложено о том, что в ночь кражи мин горцы воспользовались густым туманом, на самом же деле, согласно

показаниям допрошенных нижних чинов, никакого тумана не было. Помимо этого было выяснено, что в ночь на 1-е апреля 1851 г. была не первая кража мин, а вторая. Так, 20 июня 1850 г. горцы сняли и унесли два камнеметных фугаса [39]. Однако о первом похищении мин в 1850 г. Государю не было доложено Штабом начальника Черноморской береговой линии, так как майор Кириллов несвоевременно представил донесение, которое вносится в журнал по мере поступления в хронологическом порядке. По всей вероятности, начальнику форта Навагинский дали шанс реабилитироваться, приняв адекватные меры по защите минных полей.

Ответственным за установку мин был заведующий гарнизонной артиллерией поручик Лукьянов [40]. Для защиты мин вначале выставлялись ночные пикеты [41]. Однако солдаты, находящиеся по ночам в условиях сырости, начинали часто болеть, что привело к сокращению численности гарнизона. Тогда было решено заменить ночные пикеты на сторожевых собак, что было значительно дешевле. Собаки лаем подавали известие о приближении в ночное время противника, после чего следовал артиллерийский залп. Об эффективности этих мер свидетельствуют следующие показания: 19 августа 1850 г. в 9 часов вечера часовыми 3-й батареи форта был услышан разговор черкесов, тотчас же был приведен в действие фугас. На следующий день при осмотре местности ничего подозрительного обнаружено не было. Однако у горцев пропал без вести один убых, считалось, что он пытался совершить кражу [42].

Важной группой свидетельских показаний стали опросы личного состава гарнизона форта Навагинский. Эти источники позволили не только пролить свет на события, связанные с хищением мин, но и внести дополнительные штрихи в картину повседневной жизни русского форпоста. Опросы личного состава подполковником Мейером происходили в период с 16 июля по 4 августа 1851 г. Всего было опрошено в крепости 526 человек, не считая горцев.

Из показаний рядового 2-й роты Андрея Никифорова Алейникова: «При заложении мин я был болен долго, перед самым заложением мин на троицкие святки мы увидели на лугу гор сенокос – близкие 4 или 5 черкесов. Поручик Лукьянов приказал в них пустить ядро, чтобы они перестали кричать и браниться по обыкновению, мы в них выстрелили – не попали, а они продолжали все кричать и браниться. Но при откате орудия отдало мне большой палец левой ноги, и я два месяца находился в лазарете. Гальваническую батарею, как собирали, я видал. Но сам не пробовал, и не видал, и не слышал, чтобы кто-нибудь ее пробовал, хотя я был в артиллерийских караулах и на 2-й, и на 3-й батарее, и в казачьем блокгаузе, и на новой башне, где были собираемы и пробуемы те батарейки» [43].

Из показаний рядового 2-й роты Ивана Потапова Ашихина: «При заложении мин 21 июля (имеется в виду 1850 г. – *Авторы*) на горке я был в 3-м пикете с унтер-офицером Востриковым. На работы вышли перед рассветом, пока развели пикеты и заняли места, рассвело совсем, и началась жаркая перестрелка. Мы потеряли 5 убитыми и 2 ранеными. С рассветом тогда начали и работать; окончили все около 11 часов пред полуднем и около полудня возвратились в крепость... Рядовой Шепелев был ранен пулей в самый детородный ствол, когда из башни передовой пошел в огород за огурцами, огород, бывший тогда возле самой башни, это было в первый день работ мин за оврагом, что против новой башни.

Батарею гальваническую, когда собирали, я видал и пробовал ее рукой и угольками, точно так же, как и все товарищи, ибо это никому из нас не запрещали и дозволяли всем и каждому. На часах отстаивал я исправно. Конечно, прежде случались и со мной маленькие неисправности, не без того; сознаюсь в этом откровенно, но тогда меня строго наказывали, и я исправился и теперь всегда исправен» [44].

Из показаний рядового 2-й роты Петра Антонова Остапенко: «Когда в первый день работ был я на башне, то рядовой Данило Шепелев вышел из башни за огурцами в огород, который бы тут возле башни. Тогда горцы не были еще такие злые, как теперь, и у нас возле башни имели огород, а теперь они чего-то очень озлились и огорода нельзя там иметь. Черкес залег, верно, подстерегал, чтобы вынесли из башни парашу (ящик с нечистотою), который обыкновенно относится каждый день и выливается поодаль. Люди парашы в тот день еще не выносили, а Шепелев сошел в огород. Тут черкес его и подстрелил» [45].

Из показаний рядового 3-й линейной роты Евгия Игнатьева Белоцерковного: «В секрет к минам меня направляли, туда мы проходили всегда и возвращались сквозь амбразуру новой башни» [46].

Из показаний рядового 2-й роты Данилы Кондратьева Гончарова: «Во время заложения мин на горе в июле 1850 г. я был оставлен в крепости в помощь унтер-офицеру Палагину для приготовления батареи в бакете. Днем взорвало фугас, и ночью нас отправили осматривать и привести в порядок. Когда мы пришли на гору, мы увидели, что фугас взорван, а обе мины

повреждены: одна разрыта четверти на три глубины, а приборный ящик отнесен сажени почти на две, прислонен стоймя к кусту..., из другой мины только виднелся приподнятый колом приборный ящик, мина глубоко врыта еще не была, и этот ящик еще не совсем вынут, мы привели все в порядок и отправились домой. Страстную неделю мы ходили в секрет, собаки кидались на горцев, и один из них, вероятно, укушенный псом, вскрикнул и ударил собаку, которая в свою очередь завизжала. А подозреваю в подводе горцев к минам наших же беглых Деревянку, Тоцкого и Сиденку. Ибо до их побега кражи не было» [47].

Из показаний канонира Козьмы Осипова Зиньковича: «Гальванической батареей я не пробовал сам никогда, а видать видал, пробовали сам г. поручик Лукьянов и другие. И раз при г. поручике Лукьянове пришли два вольных портных еврея, которые здесь были занятыми (они по берегам ездят и шьют, где найдут работу) и работали г.г. офицерам сюртуки, один из них был старый, седой, бородатый, другой молод. Старый еврей, как взялся за ушки батареи, так не мог удержаться от толчка» [48].

Из показаний рядового 3-й роты Марка Егорова Вяльцова: «Нахожусь в рабочих в блокаузе. Гальваническую батарею не видел, а только видел по крепости разостланные проводники» [49].

Из показаний бомбардира 13-й гарнизонной артиллерийской бригады Тифлисского артиллерийского гарнизона полуроты № 2 Антона Филонова Недоступа: «Пятый год я нахожусь в блокаузе приморском за старшего. Там у нас свой пост и отсюда из укрепления другой пост присылается на ночь. Гальваническая батареей находилась в башне при мне в 1848 и 1849 гг., но ни там, ни при посещениях моих укрепления, где я то же видел, как и у нас на башне. Что всякий, кто хотел, пробовал их, и где собирались все охотники поскалозубничать. И смеялись, когда кого дергали за руку и тот пугался, я сам ее никогда не пробовал ни рукою, ни угольком. Видать видал, а пробовать не пробовал: мне она была вовсе не аппетитна.

Касательно исправности часовых в крепости. Не смею сказать, чтобы они всегда были исправны. И часто мы слышим о неисправностях, и, конечно, виновные никогда не остаются без награды. Я с гальваренами не дружил. У нас было соревнование и спор; я считал их батареей незначительною и всегда говорил им: что вы там блескаете, что из того. А как я наложу фитиль на свою пушку, да гряну – «так это другое дело». С черкесами я никогда ни в каких сношениях не был. За командою, мне вверенной, я наблюдал строго, запрещал им бродить по духанам, а кого замечу в этом, о тех докладывал начальству, и их сменяли от меня» [50].

Проводимые в ходе следствия опросы помогли определить внутренние мотивы, побудившие некоторых солдат бежать из крепости.

Из показаний рядового 3-й роты Федора Ефимова Бедного: «Хотя я был одного капральства с Сиденко, который нам читывал пунктики, и разные книги, и истории, и сказки, но я с ним в дружбе не был, и он меня к побегу или к указанию горцам мин не уговаривал. А у нас он во взводе был замечен в воровстве, а оттуда и бежал» [51].

Из показаний рядового 3-й роты Петра Михайлова Ноздрана: «Сиденко хоть и одного капральства со мной был недолго, но он у солдат украл деньги и напился, за то его перевели в 1-е капральство; а там он опять украл деньги – его посадили под арест, а он оттуда бежал» [52].

Из показаний рядового 3-й роты Василия Григорьева Середя: «Когда Тоцкий бежал, днем он бежал по реке. Мы увидели это и стреляли по нем, пока видно его было, успели выстрелить в него три раза, но он был довольно далеко внизу, и попасть в него было очень трудно, оттого и не попали, а он ушел» [53].

Из показаний рядового 3-й роты Луки Иванова Трухачева: «Сиденко писал нам пунктики и списывал их для нас с печатной книги, читал разные историйки, сказки, писал нам записки в батальон к товарищам. Читал письма и писал иным письма. Тоцкий пропил солдатское жалованье, которое он должен был только разменять по одному билету и разделить, и бежал. Деревянко пропил совсем. Всю одежду, все белье, так что переменить ему было нечем. Весь облохмотился, когда его спросили, где одежда и белье, он спился и бежал. И это был такой ... сварливый, злой...» [54].

Отдельной группой свидетельских показаний стали опросы убухов. Так, на следственном мероприятии один из убухов показал, что бежавшие из форта рядовые Петр Тоцкий и Ефим Сиденку уговаривали убухов идти с ними за минами [55].

Приведем некоторые интересные свидетельства этого дознания.
«1851 июля 9-го дня.

Горец убыхского племени, дворянин Пата Чизма по прибытии моем в форт Навагинский был немедленно вызван ко мне и после долгих убеждений решился дать обещание: разузнать и сообщить мне, кто из гарнизона форта Навагинский передал горцам секрет расположения мин вокруг укрепления и указал возможность вынуть их, не подвергаясь взрыву.

9 июля Пата Чизма явился ко мне тайно и показал в присутствии переводчика поручика Черквиани: «Я, как изволите видеть, человек пожилой, потому проделками молодежи не занимаюсь. Оттого я и взял у Вас срок, чтобы узнать, как было дело о вырытии нашими молодцами ваших пороховых мин. Вот что молодцы мне рассказали. В прошлом году, когда были заложены мины на взгорье, днем они все по обыкновению завели перестрелку, стали мешать работать, хотя не знали еще, в чем они состоят. Когда солдаты закончили работы, наши высмотрели уже все, сколько это было возможно, и заметили ясно, что русские что-то клали в ямы и ровчики до самой крепости, захотели узнать, что именно было ими положено в землю. Взрытая рыхлая земля длиною канавой спускалась с горы, и некоторые молодые люди решились поразведать, что там – не порох ли? Ночью же, как все это было не видно из крепости, они стали шомполом и ножом пробовать и рыть эти ровчаки возле засыпанных ям, и иселезным крючком вытащили оттуда веревки какие-то. Один из них, закричав другим об этой находке, сильно потянул веревки из земли, товарищи стали подходить к нему, как вдруг последовал взрыв, полетели кверху множество камней, и двое из наших получили удары камнями в голову и спину, когда нагнулись, чтобы избежать ударов. Тотчас же все они, страшно испугавшись, разбежались. Безотлагательно они сделали совещание с людьми более умными, опытными. Заключая, что взрыв произошел от веревок, молодежь (в особенности по наставлениям живущего между ними, давно уже бежавшего от вас поляка) решилась, прежде всего, отыскивать и отрубать эти веревки, чтобы из крепости нельзя было тянуть за них и тем делать взрыв; а тогда уже постепенно и осторожно, не натяжая их, вынимать легко из земли и по ним доходить до мин. След веревки отыскать было легко, ощупывая иселезным крючком землю, которая по пути веревок оказывалась немного углубленною, спускаясь с крепости, с горки, длиною узкою чертою. Отыскав веревки и обрезав их, молодцы над остальными осторожно приподнимали землю и дошли до мин. С величайшей осторожностью обкопав их, вынули. Порохом поделились между собою.

Вокруг крепости мы не знали, где были заложены мины, ибо их часто закладывали ночью, а частью нам не удалось тогда заметить, где именно, но беглые русские нам помогли. Сперва Питер Тоцкий, а потом другой беглый (Сиделко) еще удачнее водил два раза, и наши вынули две мины этой весною. Для того, говорят, прежде обрезали ножом проводники веревочные или иселезные какие-то цепи, я не знаю, а потом вырыли.

Вот я сказал Вам всю истину, как что мог узнать от других. Но у нас был один молодец, который поссорился между своими и наделал им столько же пакостей, сколько их дельвал русским, присужден был оставить родину. Он теперь скитается у соседей джигетов и, если захочет, то может удостоверить Вам лично во всем, ибо он был одним из главнейших участников».

Показание это писано лично со слов переводчика Черкиани.

Следователь гвардии подполковник Мейер» [56].

11 июля на допрос был вызван скрывающийся у джигетов горец Урус Вэацыс, он подтвердил показания Пата Чизма и добавил о ссоре между поляком Тоцким и бежавшим из укрепления Навагинский солдата Сиденко и сообщил, что Тоцкий убит [57]. В тот же день был проведен допрос горца Татлыстана Чирика: «...У старика Тлапса в ауле Апохау был пленный поляк или русский Питер (Тоцкий). Он еще с одним повел наших и достал из мин бочонок пороха, но потом узнали мы, что у Тлапса есть не один, а два русских; другой вдруг пришел к нему. Новоприбывший обещал нам достать много пороха из мин и набирал себе товарищей, и действительно они вдвоем привели наших к минам и вырыли сначала порох в железном ящике, в другой раз повел наших новый беглый один и вырыл медный бочонок с порохом. Порох был отличный, сухой. Этот беглый (говорили у нас) опять бежал от нас куда-то, а я вижу его вдруг здесь под арестом, и он упрекает меня, что я глуп, оставшись здесь заарестованным. Как его зовут, я не знаю, но в глаза ему смело скажу правду...» [58].

Приведем еще одни показания, взятые 5 августа у убыха Пшмафа Чирикха:

«...Вдруг к нам явился солдат русский, Иван Деревенка, пьяница горький, но славный дроворуб. Вскоре явился к старику Тлапсу еще один беглец, отчаянный пьяница. Он был у вас здесь, наши узнали его, и я тоже узнал. Это Сиделко...

Не знаю, чтобы кто-нибудь из ваших был в особой дружбе с нашими и передавал что-нибудь из крепости нам. У нас есть лазутчики, которые служат Вам, но сказать всю правду и для себя не промахнуться, но об ваших я еще никогда ничего подобного не слышал....» [59].

Во всех следственных документах поражает одно: все горцы, кого вызывал следователь, являлись и давали показания. Отсюда можно сделать вывод, что тяготение к русской администрации у убыхов было в достаточной степени распространено.

К моменту проведения следствия один из главных обвиняемых – бывший рядовой 8-го Черноморского линейного батальона Сиденку (Сиделко) – находился уже под стражей в форте Навагинский. Вина его в нанесении ущерба Российской империи посредством руководства в краже мин была доказана полностью. Однако следствие в век гуманизма (так называют XIX век) длилось над ним более двух лет. В конце 1853 г. Сиденку был признан виновным в государственной измене и приговорен военным трибуналом Отдельного кавказского корпуса к смертной казни через повешение. Однако лишь во второй декаде января 1854 г. в Бомбарах приговор над изменником был приведен в исполнение [60].

12 августа подполковник Мейер в связи с окончанием следственных мероприятий покинул укрепление Навагинское.

В ходе следствия командир форта майор Кириллов окончательно был отстранен от должности, ему инкриминировали пренебрежение к службе, уклонение от истины в ответах и др. Должность командира форта Навагинский занял майор И.Я. Павлов, следователь предложил новому начальнику форта провести реформу «благодетельную», т.е. навести среди гарнизона должный образцовый порядок.

10 января 1852 г. подполковник Мейер командованию Черноморской береговой линии изложил главные обвинения по делу о похищении мин. В них, в частности, отмечалось:

«1. Убыхи похитили те мины, будучи руководимы бежавшими из форта Навагинский Черноморского линейного № 8 батальона рядовыми Иваном Деревянко и Ефимом Сиденко и цирюльничьим учеником Петром Тоцким, из этих изменников Сиденко выведен из гор и содержится в укреплении Святого Духа; обвинение этих дезертиров в содействии убыхам в похищении мин основывается на показаниях мирных и вольных убыхов и подкрепляется подозрением, которое изъявляют все лица форта Навагинский; кроме того, пристав джигетского народа и командир Черноморского линейного № 8 батальона майор Павлов, со слов известных ему убыхов и джигетов, положительно утверждал, что Сиденко участвовал с горцами в похищении мин.

2. Караульная служба в форте Навагинский офицерами и нижними чинами, в особенности последними, исполняется весьма дурно, до того, что часовые будто бы спят и даже отлучаются с постов.

3. Состоящий при воинском начальнике форта Навагинский переводчик поручик Черквияни, нравственности неодобрительной, в сношениях с горцами не совсем справедлив и честен и был причиною, что бывший воинский начальник майор Кириллов, доверяя ему и не имея возможности проверить правдивость его, по неимению другого переводчика, впал в заблуждение и ошибки.

4. Находящиеся в форте выбежавшие убыхи были отпускаемы в аулы для покражи скота, который они пригоняли в форт и продавали подрядчику.

Вследствие сего я прошу Вашего Превосходительства: майора Кириллова перевести в такое место, где он не был бы старшим; рядового Сиденко предать военному суду, по полевым уголовным законам, при Черноморском линейном № 8 батальоне, сообщив комиссии военного суда и вышеупомянутый отзыв о нем майора Павлова; таковому же суду подвергнуть и дезертиров Деревянко и Тоцкого в случае поимки их; обратить особое внимание Ваше на весьма дурное отправление караульной службы в форте Навагинский и немедленно удалить поручика Черквияни от должности переводчика и выслать из пределов береговой линии» [61].

Заключение. Таким образом, дело о краже мин вокруг форта Навагинский стало самым громким делом, получившим скандальную известность на уровне императора. Подобной оплошности до сих пор не допускало ни одно укрепление Черноморской береговой линии, не случалось это и позже.

Примечания:

1. Как правило, в засадах принимали участие только горцы-подростки в возрасте 14–16 лет. Основной целью их участия в противодействии русским гарнизонам стало желание заслужить уважение в горском обществе. До русского военного присутствия в регионе горцы-подростки

занимались налетами и грабежами соплеменников и представителей других племен. В самом горском обществе эта группа молодых людей получила название – «ветреников», то есть «ветер в голове» или «куда ветер, туда и они».

2. Черкасов А.А. Очерки истории первого русского укрепления на реке Соча-Пста (1838–1854 гг.). Краснодар, Сочи; КубГУ, 2005. 138 с.; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Взгляд в эпоху: десантные операции адмирала Лазарева // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С.33-35; Karataev V.B., Cherkasov A.A. Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // European researcher. 2011. № 2. P. 143-146.

3. Menjkovsky V.I., Cherkasov A.A. Unknown chapter in Caucasian war (1848–1851): black sea coastline and mining // European researcher. 2010. № 2. P. 152-157.

4. Черкасова И.Ю., Черкасов А.А. К вопросу об одном военном преступлении из истории Кавказской войны / Преступность в России: история формирования и возможные перспективы: Матер. 40-й Всерос. заочной науч. конф. / Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2006. С. 25-28; Черкасова И.Ю., Черкасов А.А. Военная служба, досуг и быт русского солдата в крепостях Черноморской береговой линии / Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. Материалы XVIII международной научной конференции Санкт-Петербург, 12-13 декабря 2005 г. Ч.2. СПб., 2005. С.263-266.

5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 199.

6. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 299.

7. Фугас вместо свинца, начиненный камнями.

8. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 50.

9. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 817. Л. 9.

10. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 10. Л. 59.

11. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 500б.

12. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 57.

13. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1169. Л. 298.

14. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 50.

15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 299.

16. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.

17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 10-11.

18. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 10.

19. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 50.

20. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 196.

21. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 46.

22. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 14-15.

23. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 12.

24. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 16.

25. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 139.

26. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 37.

27. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 38.

28. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 54.

29. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 70.

30. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 67.

31. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 72.

32. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 1020б.

33. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 1040б-105.

34. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 1060б-107.

35. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 108.

36. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 172.

37. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 120.

38. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 128.

39. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 174.

40. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 120.

41. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 121.

42. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 143-1430б.

43. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 13-130б.

44. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 25.

45. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 333-3330б.

46. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 70.

47. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 108-109.

48. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 165-1650б.

49. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 254.

50. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 254.

51. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 66-660б.

52. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 321-321об.
53. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 400-400об.
54. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1190. Л. 459- 459об.
55. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 310-311.
56. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 462-463.
57. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 464-466.
58. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 467.
59. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 471-473.
60. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 50-51.
61. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1429. Л. 1-2.

Транслитерация:

1. *Kak pravilo, v zasadakh prinimali uchastie tol'ko gortsy-podrostki v vozraste 14–16 let. Osnovnoi tsel'yu ikh uchastiya v protivodeistvii russkim garnizonam stalo zhelanie zaslužit' uvazhenie v gorskom obshchestve. Do russkogo voennogo prisutstviya v regione gortsy-podrostki zanimalis' naletami i grabezhami soplemennikov i predstavitelei drugikh plemen. V samom gorskom obshchestve eta gruppya molodykh lyudei poluchila nazvanie – «vetrenikov», to est' «veter v golove» ili «kuda veter, tuda i oni».*

2. Cherkasov A.A. *Ocherki istorii pervogo russkogo ukrepleniya na reke Socha-Psta (1838–1854 gg.)*. Krasnodar, Sochi; KubGU, 2005. 138 s.; Karataev V.B., Cherkasov A.A. *Vzglyad v epokhu: desantnye operatsii admirala Lazareva // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 2. S.33-35*; Karataev V.B., Cherkasov A.A. *Foreign emissaries activity within Black sea coastline 1836–1854 // European researcher. 2011. № 2. P. 143-146.*

3. Menjkovsky V.I., Cherkasov A.A. *Unknown chapter in Caucasian war (1848–1851): black sea coastline and mining // European researcher. 2010. № 2. P. 152-157.*

4. Cherkasova I.Yu., Cherkasov A.A. *K voprosu ob odnom voennom prestuplenii iz istorii Kavkazskoi voyny / Prestupnost' v Rossii: istoriya formirovaniya i vozmozhnye perspektivy: Mater. 40-i Vseros. zaochnoi nauch. konf. / Pod red. S.N. Poltoraka. SPb., 2006. S. 25-28*; Cherkasova I.Yu., Cherkasov A.A. *Voennaya sluzhba, dosug i byt russkogo soldata v krepostyakh Chernomorskoi beregovoi linii / Chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh: istoriko-psikhologicheskie issledovaniya. Materialy XVIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Sankt-Peterburg, 12-13 dekabrya 2005 g. Ch.2. SPb., 2005. S.263-266.*

5. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 199.

6. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 299.

7. *Fugas vmesto svintsa, nachinennyi kamnyami.*

8. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 50.

9. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 817. L. 9.

10. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-348. Op. 1. D. 10. L. 59.

11. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 50ob.

12. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 57.

13. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1169. L. 298.

14. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 50.

15. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 299.

16. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 6. L. 102.

17. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 10-11.

18. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 10.

19. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 50.

20. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 196.

21. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 46.

22. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 14-15.

23. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 12.

24. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 16.

25. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 139.

26. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 37.

27. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 38.

28. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 54.

29. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 70.

30. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 67.

31. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 72.

32. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 102ob.

33. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 104ob-105.

34. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 106ob-107.

35. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 108.

36. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 172.

37. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 120.

38. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 128.

39. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 174.
40. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 6. L. 120.
41. AOAGS. F. R-348. Op. 1. D. 6. L. 121.
42. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 143-143ob.
43. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 13-13ob.
44. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 25.
45. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 333-333ob.
46. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 70.
47. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 108-109.
48. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 165-165ob.
49. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 254.
50. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 254.
51. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 66-66ob.
52. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 321-321ob.
53. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 400-400ob.
54. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1190. L. 459- 459ob.
55. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 310-311.
56. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 462-463.
57. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 464-466.
58. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 467.
59. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1189. L. 471-473.
60. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1748. L. 50-51.
61. GAKK. F. 260. Op. 1. D. 1429. L. 1-2.

UDC 94

**By Royal Authority
(Investigation Data, Concerning Mines Theft in Fort Navaginsky
of the Black Sea Coastal Frontier. 1851)**

¹Alexander A. Cherkasov

²Alexander A. Ryabtsev

³Vyacheslav I. Menkovsky

⁴Vasilij V. Tarakanov

⁵Alexander V. Navrotsky

¹⁻² Sochi State University, Russia

¹ Doctor of Science, Professor

² PhD, Assistant Professor

³ Belarus State University, Belarus

Doctor of Science, Professor

⁴ Volgograd State University, Russia

Doctor of Science, Professor

⁵ Volgograd State Technical University, Russia

Doctor of Science, Professor

Abstract. The article, basing on archive data, considers one of the most celebrated criminal cases, controlled by the Russian Emperor Nicholas I during the Caucasian War. It is concerned with the divulgence of state military secret – new types of the defensive arms, namely galvanic cell mines. The state secret was divulged in Fort Navaginsky of the Black Sea coastal frontier in summer, 1851. The article reconstructs the crime, attaching special attention to the daily life of the fort, difficulties of the garrison life, shows reasons for social misconduct of some servicemen, describes relations between Russian administration and mountain tribes, particularly with Ubykhs.

Keywords: Fort Navaginsky; mine warfare; Black Sea coastal frontier; Nicholas I; Major Meyer; criminal case.